

УДК 811.161
81-139
070
ББК 76.02
80

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В. В. Фёдоров

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02032)

В статье представлен обзор ключевых подходов в описании нарративной коммуникации и политического нарратива, функционирующих в рамках электорального дискурса. На основе обзора выдвигаются ключевые положения принципа реконструкции инвариантных (базовых) повествовательных моделей, актуализирующихся в ходе предвыборной кампании, и анализа нарративных стратегий в идентификации акторов избирательных мероприятий.

Ключевые слова: *электоральный медиадискурс, политический нарратив, нарративная коммуникация, идентификация, повествовательная модель.*

Одним из актуальных научных направлений в гуманитарном знании новейшего времени является изучение политической коммуникации, или политического дискурса. Можно говорить о появлении отдельных филологических дисциплин, например, политической лингвистики, целых научных школ и направлений. В первом ряду это когнитивные, коммуникативно-прагматические и социолингвистические исследования политического дискурса, работы А. Н. Баранова, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал и др.

Однако в последнее время перспективным становится изучение нарративного типа коммуникации в политическом дискурсе. Данный факт объясняется общим «нарративным поворотом» (Й. Брокмейер, Р. Харре) культуры. В современной публичной коммуникации происходит трансформация речеповеденческих моделей, формирующих тот или иной тип дискурса.

Сегодня все чаще массовая информация передается от адресанта к адресату не с помощью цифровых показателей, статистических данных, отдельных фактов, то есть логически-абстрактного (понятийного) мышления, специфического, институционально оформленного сообщения, а посредством рассказывания историй, построения повествовательных текстов: «Сообщение оказывается представленным в форме истории, рассказанной в соответствии с определенными соглашениями <...> Нарративы представляют

собой формы внутренне присущие нашим способам получения знания, которое структурирует наше восприятие мира и самих себя» [2. С. 29–43]. Это объясняется тем, что «истории» апеллируют, с одной стороны, к конкретно-чувственному началу, то есть обобщенному в конкретной форме образу фрагмента действительности (знакомые и понятные сюжеты), с другой стороны, свой личный опыт человек представляет в виде сценария, или фрейма. На данный феномен указывал еще Т. ван Дейк. Ученый отмечает, что «<...> важнейшим компонентом процессов построения и восприятия текстов является осмысление стоящих за ними социальных ситуаций и их когнитивная репрезентация» [3. С. 161]. Возникает дихотомия: реальная социальная ситуация (фрагмент) и представление о ней, которое существует в виде сценария, или фрейма, приобретенного в результате социокультурного опыта, который выступает не только шаблоном для производства нарратива, но своего рода интерпретационной рамкой. Второй элемент определяет построение дискурса, что и как мы будем говорить, сталкиваясь реальной ситуацией или описывая ее в речи: «Когнитивные модели составляют референциальный базис для интерпретации дискурса, а не “фрагментов реального мира”, или ситуаций» [3. С. 164].

Однако в настоящий момент существует два понимания нарратива. Одно, более традиционное,

подразумевает под этим термином функционально-смысловой тип речи (повествование), другое — когнитивное проектирование, вербальное оформление и реализацию устойчивых повествовательных схем (сюжетов), то есть как речемыслительный акт, организованный по определенным фреймам.

Не отрицая оба подхода, мы понимаем под нарративным типом коммуникации актуализацию устойчивых повествовательных структур в конкретном типе дискурса, обусловленных прагматикой высказывания. Такая трактовка соответствует ключевым положениям нарратологии.

Так, в основополагающей работе Ж. Женетта «Повествовательный дискурс» [4] дано структурное описание повествовательного акта конкретной коммуникации.

Так, Ж. Женетт выделяет трехчастную модель повествовательных уровней, которую мы возьмем за основу модели развертывания высказывания: история (*histoire*) — повествовательное означаемое или содержание; наррация (*narration*) — повествовательный акт конкретной внутритекстовой коммуникации; повествование (*recit*) — означающее, дискурс, повествовательный текст [4].

На уровне истории областью описания становится отношение акторов, их корреляции, формирующие событийный ряд. Важнейшим показателем истории являются временные (залоговые) отношения, то есть порядок действий, выполнения функций. Они складывается из особых единиц — темпоральных мотивов (В. Шмид), формул, состоящих из набора функций акторов. Уровень рассказа (наррации), на котором, во-первых, реализуется «точка зрения» на означаемое в конкретном повествовательном акте, степень погруженности субъекта повествования в изображаемую реальность, во-вторых, происходит компоновка изображаемого материала, характеризующая отношения следования, противопоставления, повторения; осуществляется конструирование нарратива. Это значит, что субъект повествования выбирает определенную позицию по отношению к означаемому, определенный ракурс, и воплощает ее в тексте в конкретных речевых актах, которые в совокупности образуют более крупную единицу — повествовательное высказывание. Элементами выступают субъектная организация, «система голосов» высказывания, степень включенности и участия субъекта в истории, его коммуникативная установка. Воплощением точки зрения являются формы присутствия авторского сознания в тексте как

конкретные повествовательные (речевые) акты. Уровень повествовательного текста как интонационно-речевого единства, дискурс, является материальным, чувственно воспринимаемым элементом коммуникации, оформляет наррацию в речь.

Данное направление — структурно-коммуникативное описание нарратива — получило развитие в работах ученых, изучающих фикциональный дискурс: S. Rimmon-Kenan [14], В. Шмид [11], а также в когнитивных и социолингвистических исследованиях нарратива: W. Labov, J. Waletzky [12; 13], Т. ван Дейк [3], D. Schiffrin [15] и др.

Следует подчеркнуть, что реализация повествовательной модели в конкретной коммуникации связана с прагматикой дискурса. Это положение привело к выделению такого более частного понятия, как политический нарратив, который служит упрощенным объяснением для рядового носителя языка специфических политических знаний и реализуется в медиадискурсе. Здесь мы также можем выделить несколько направлений исследований.

В работах Е. И. Шейгал политический нарратив предстает как вариант сверткста: «В нашем понимании сверткста как речевой реакции на политическое событие», ведущим признаком которого является содержательное единство [8. С. 354]. Автор объясняет прагматику политического нарратива необходимостью сообщить о конкретном событии, показать политическую сферу в целом обывателю в понятных формах и обобщениях, так как он не имеет специальных знаний, не владеет институциональным дискурсом профессионального политика [7]. Е. И. Шейгал так определяет политический нарратив: «Под политическим нарративом будем понимать совокупность дискурсных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события. Помимо собственно событийного аспекта в нем находят отражение основные категории мира политического: субъекты (агенты) политики, политические ценности и диспозиции, политические действия и стратегии» [8. С. 354]. В статьях и исследованиях Е. И. Шейгал представлен обзор англоязычных источников по политическому нарративу, а также приведен обзор различных значений данного понятия¹.

В исследовании А. Г. Кириллова, основанном на ключевых положениях работ Е. И. Шейгал,

¹ См.: Шейгал, Е. И. Многоликий нарратив / Е. И. Шейгал // Полит. лингвистика. — 2007. — № 2 (22). — С. 86–93.

политический нарратив рассматривается как гипертекст, состоящий из текстов, посвященных «одному политическому событию», они «представляют собой единый политический нарратив, вне зависимости от политической, идеологической и социальной направленности СМИ» [5. С. 6]. Автор описывает универсальную структуру текста и жанровый репертуар, типичные для политического нарратива (рассказа о политическом событии), что приводит, по нашему мнению, к расширительному толкованию термина и отождествляет его с функционально-смысловым типом речи.

Оригинальную модель изучения политического нарратива предложил Shaul R. Shenhav. Суть методики заключается в выделении двух уровней описания: «верхний» и «глубокий» («the “thin” level and the “thick” level»). На первом уровне анализируются события и ситуации как фрагменты реальной действительности, последовательность их появления в тексте, на втором уровне — взаимосвязь компонентов нарратива, грамматика [16. С. 75].

Отдельным направлением в изучении политического нарратива является журналистский подход, который подразумевает выделение устойчивых сюжетов в речах политиков и медиатекстах. Нарративы рассматриваются в связи с информационной повесткой, бытующей в средствах массовой коммуникации. Примером такого подхода является исследование М. А. Чижова. Так, автор описывает частотные сюжеты, например, нарративы «страха прихода во власть криминала», «страх прихода во власть чужаков», «страха перед социальными реформами», бытовавшие в рамках предвыборной кампании 2006–2007 гг. в России на региональном уровне [6].

Таким образом, опираясь на уже сложившуюся традицию описания нарративного типа коммуникации в политическом медиадискурсе, мы можем сформулировать основные положения методики реконструкции базовых повествовательных моделей, бытующих в электоральном медиадискурсе.

Необходимость выделения электорального субдискурса связана с его особыми функциями. Как

пишет В. Е. Беленко: «Электоральный дискурс — источник сведений, которые должны быть достаточными, учитывая желание избирателей минимизировать затраты на самостоятельный поиск информации, для выработки рационального (в смысле процедурной рациональности) решения о голосовании» [1. С. 83].

Иными словами, в рамках электорального медиадискурса будет формироваться уникальная базовая повествовательная модель, свой репертуар устойчивых нарративов, связанных с вопросами идентификации политика как легитимного субъекта избирательных мероприятий. Для конкретного рассмотрения сформулированных принципов мы использовали эмпирический материал, в качестве которого выступили публикации о предвыборных мероприятиях кандидатов в Государственную Думу от Челябинской области за май-июнь 2016 г.

Итак, во-первых, мы должны установить корреляцию между социальными практиками, которые конвенционально закреплены за участниками предвыборной кампании (действия, поступки, события), то есть определить основные категории предвыборной политической реальности, и медиатекстами, которые станут реакцией на эти факты.

Социальные практики (в понимании П. Бурдьё) участников выборов конвенционально определяют участие кандидатов в публичных мероприятиях и акциях, в рамках которых они могут быть представлены аудитории, то есть произойдет официальная публичная инициация. Так, по итогам анализа журналистских материалов регионального уровня о предвыборных мероприятиях А. Литовченко и А. Севастьянова (май–июнь 2016 г.) мы выявили следующие упоминания о типичных мероприятиях и установили их соотношение (таблица).

Приведенные результаты свидетельствуют о типизированности таких событий-мероприятий и их устойчивой повторяемости, следовательно — их проведение диктуется самими правилами ведения предвыборной кампании.

Во-вторых, выявить и описать когнитивные механизмы, определяющие организацию базовой

Субъекты повествования	Общее количество публикаций	Публичные акции, социально значимые мероприятия	Инициализирующие мероприятия	Политические и хозяйственные действия
Алексей Севастьянов	24	7	6	11
Анатолий Литовченко	21	12	6	3

нарративной модели: круг источников, определяющих пресуппозитивные знания аудитории о конкретной сфере, установки и стереотипы, влияние речевых и журналистских жанров.

Одним из главных источников, формирующим образ кандидата и самой избирательной кампании в сознании аудитории, сегодня являются средства массовой информации. Именно тексты различных медиа становятся основой когнитивной модели, определяющей правила говорения об участниках выборов в среде рядового электората, а также для продуцирования новых медиатекстов об избирательной кампании. Показательно, что наблюдается сращение собственно журналистского дискурса и PR-дискурса, что проявляется в паратекстовых элементах (так, например, отсутствует указание автора материала, появляется маркер «на правах рекламы» как жанрово-тематическая номинация). Однако само сообщение сохраняет, или даже мимикрирует под журналистское повествование. Чаще всего эти материалы «созданы» в жанре репортажа, информационном и аналитическом интервью, воспроизводят их стилистические модели в заголовочном комплексе.

В-третьих, выделение «типичных», повторяющихся в разных текстах, мест (топика), структурно-композиционных и лексико-грамматических особенностей.

В рамках указанного выше эмпирического материала мы выявили устойчивую повествовательную модель, отличающуюся стабильным набором структурных компонентов и композиционной оформленностью. Так, в условиях включенности в медиадискурс электоральные тексты о деятельности кандидатов всегда приурочены к конкретному событию, как того требует журналистский дискурс. При этом само событие может быть инициировано кандидатом, представителями его партии, может не соответствовать требованиям социально значимой информа-

ции. Именно событийность становится способом идентификации кандидата, так как в рассказ о нем рекурсивно встраивается рассказ об инициаторе этого события. С другой стороны, в рамках конвенций избирательной кампании само событие отходит на второй план, оно становится поводом рассказать о политических ценностях и идеологии кандидата, «показать» его в действии, которое становится фреймом для считывания его дальнейших действий, а также выражением обобщенных суждений, эксплицирующих «голос большинства», «голос народа» с использованием таких языковых единиц, как категория состояния, глаголы с семантикой долженствования [9]. Финальным компонентом базовой модели является заключение-суждение, которое построено по всем правилам катартического искусства. В наших более ранних работах описана базовая модель повествования [10].

В-четвертых, выявление устойчивых «сюжетов», актуальных для конкретного кандидата или универсальных в своем содержании. Появление таких «сюжетов» связано с информационной повесткой конкретного периода, с ранжированием объектов журналистского дискурса. Так, в материалах за май–июнь 2016 г. нами были выделены такие «сюжеты»: «борьба с чиновничьим произволом», «решение социальных проблем, которые остались от предшественников», «помощь детям и пенсионерам», «история успешного руководства или деятельности кандидата в прошлом», «память о войне», «государственные праздники».

Таким образом, нарративный тип коммуникации позволяет выстраивать понятный/доступный образ политика, участника избирательных мероприятий, так как аудитория не имеет специальных знаний о процедурах агитации и голосования и правилах проведения выборов, а также трансформирует институциональное высказывание в историю с главным героем, деятельность которого объясняется через узнаваемые фреймы.

Список литературы

1. Беленко, В. Е. Российский электоральный дискурс с позиций концепции процедурной рациональности / В. Е. Беленко // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Философия. — 2007. — № 5 (2). — С. 82–86.
2. Брокмейер, Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопр. философии. — 2000. — № 3 — С. 29–42.
3. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М., 1989.
4. Женетт, Ж. Повествовательный дискурс / Ж. Женетт // Фигуры: Работы по поэтике : в 2 кн / Ж. Женетт. — М., 1998. — Кн. 2.
5. Кириллов, А. Г. Политический нарратив: структура и прагматика (на материале современной англоязычной прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Кириллов. — Самара, 2007. — 23 с.

6. Чижов, М. А. Особенности избирательных технологий в регионах России в 2006–2007 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Чижов. — М., 2008. — 20 с.
7. Шейгал, Е. И. Политический скандал как нарратив / Е. И. Шейгал // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. — Волгоград, 1998. — С. 55–68.
8. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Е. И. Шейгал. — Волгоград, 2000. — 431 с.
9. Федоров, В. В. Трансформация экспрессивного компонента риторической модели современных российских медиа / В. В. Федоров // Медиалингвистика. Вып. 5. Язык в координатах массмедиа : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (6–9 сентября 2016 г. Варна, Болгария) / отв. ред. В. В. Васильева. — СПб., 2016. — 290 с. — С. 52–54.
10. Федоров, В. В. Нарративные стратегии регионального журналистского дискурса в материалах о выборах в Государственную Думу // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием (Екатеринбург, 19 мая 2017 г.) / сост. О. Ф. Автохутдинова. — Екатеринбург, 2017. — 276 с. — С. 264–267.
11. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. — М., 2003.
12. Labov, W. The Transformation of Experience in Narrative Syntax / W. Labov // Language in the Inner City. — Philadelphia, 1972. — P. 354–396.
13. Labov, W. Narrative analysis: Oral versions of personal experience / W. Labov, J. Waletzky // J. Helm (ed.). Essays on the verbal and visual arts. — Seattle, WA, 1967. — P. 12–44.
14. Rimmon-Kenan, S. Narrative fiction. — London, 1983.
15. Schiffrin, D. Redoing and replaying / D. Schiffrin // In Other Words: Variation in reference and narrative. — Cambridge, 2006. — P. 314–340.
16. Shenhav, S. R. Thin and thick narrative analysis On the question of defining and analyzing political narratives / S. R. Shenhav // Narrative Inquiry. — 2005. — № 15 (1). — P. 75–99.

Сведения об авторе

Фёдоров Василий Викторович — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций факультета журналистики, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. vvf-82@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 11 (407). *Philology Sciences. Iss. 109. Pp. 61–66.*

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE STUDY OF THE NARRATIVE TYPE OF COMMUNICATION IN THE ELECTORAL OF MEDIADISOURSE

V. V. Fedorov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. vvf-82@mail.ru

The article provides an overview of key approaches in describing narrative communication and political narrative functioning within the framework of electoral discourse. Key provisions of the principle of reconstruction of invariant (basic) narrative models, actualized during the election campaign, and analysis of narrative strategies in the identification of actors of electoral events are put forward.

Keywords: *electoral discourse on the media, political narrative, narrative type of communication, identification, model of the narrative.*

References

1. Belenko V.E. Rossijskij jelektoral'nyj diskurs s pozicij koncepcii procedurnoj racional'nosti [Russian electoral discourse from the standpoint of the concept of procedural rationality]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy], 2007, no. 5 (2), pp. 82–86. (In Russ.).

2. Brokmejer J., Harre R. Narrativ: problemy i obeshhanija odnoj al'ternativnoj paradigmy [Narrative: problems and promises of one alternative paradigm]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2000, no. 3, pp. 29–42. (In Russ.).
3. Dejk T.A.van. *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, 1989. (In Russ.).
4. Zhenett Zh. Povestvovatel'nyj diskurs [Narrative Discourse]. *Figury: Raboty po pojetike : v 2 kn. Kn. 2* [Works on poetics in 2 book. Book 2]. Moscow, 1998. (In Russ.).
5. Kirillov A.G. *Politicheskij narrativ: struktura i pragmatika (na materiale sovremennoj anglojazychnoj pressy)* [Political narrative: structure and pragmatics (on the basis of the modern English-language press)]. Samara, 2007. 23 p. (In Russ.).
6. Chizhov M.A. *Osobennosti izbiratel'nyh tehnologij v regionah Rossii v 2006–2007 gg.* [Features of electoral technologies in the regions of Russia in 2006–2007]. Moscow, 2008. 20 p. (In Russ.).
7. Shejgal E.I. Politicheskij skandal kak narrative [Political Scandal as a Narrative]. *Jazykovaja lichnost': sociolingvisticheskie i jemotivnye aspekty* [Language personality: sociolinguistic and emotive aspects]. Volgograd, 1998. Pp. 55–68. (In Russ.).
8. Shejgal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [The Semiotics of Political Discourse]. Volgograd, 2000. 431 p.
9. Fedorov V.V. Transformacija jekspressivnogo komponenta ritoricheskoj modeli sovremennyh rossijskih media [Transformation of the expressive component of the rhetorical model of modern Russian media]. Vasil'eva V.V. (ed.). *Medialingvistika. Vyp. 5. Jazyk v koordinatah massmedia* [Medialinguistics]. St. Petersburg, 2016. Pp. 52–54. (In Russ.).
10. Fedorov V.V. Narrativnye strategii regional'nogo zhurnalistskogo diskursa v materialah o vyborah v Gosudarstvennuju Dumu [Narrative strategies of regional journalistic discourse in the materials on the elections to the State Duma]. *Professional'naja kul'tura zhurnalista cifrovoj jepohi* [Professional culture of the journalist of the digital age]. Ekaterinburg, 2017. Pp. 264–267. (In Russ.).
11. Shmid V. *Narratologija* [Narratology]. Moscow, 2003. (In Russ.).
12. Labov W. The Transformation of Experience in Narrative Syntax. *Language in the Inner City*. Philadelphia, 1972. Pp. 354–396.
13. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience. Helm J. (ed.). *Essays on the verbal and visual arts*. Seattle, WA, 1967. Pp. 12–44.
14. Rimmon-Kenan S. *Narrative fiction*. London, 1983.
15. Schiffrin D Redoing and replaying. *In Other Words: Variation in reference and narrative*. Cambridge, 2006. Pp. 314–340.
16. Shenhav Shaul R. Thin and thick narrative analysis On the question of defining and analyzing political narratives. *Narrative Inquiry*, 2005, 15 (1), pp. 75–99.